

Г.В. ВЕРДИЯН,
кандидат юридических наук,
доцент
Российской правовой академии
Минюста России

G.V. VERDIYAN,
candidate of legal sciences,
associate professor
the Russian legal Academy
of the Ministry
of justice of Russia

ПРИНЦИП
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В ПРОЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ
РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ВЕЩНОМ ПРАВЕ

THE PRINCIPLE
OF GOOD FAITH
IN THE PROJECT
OF THE CONCEPT
OF DEVELOPMENT
OF LEGISLATION
ON PROPERTY RIGHT

Реализация идеи о провозглашении принципа добросовестности приведет к тому, что любые действия участников гражданских отношений, а также воздержание от действий должны будут оцениваться судами с учетом того, соответствуют эти действия (бездействие) данному принципу или нет.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, злоупотребление правом, законодательство, справедливость, разумность, принцип права.

The realization of the idea of the proclamation of the principle of good faith will lead to the fact that any actions of participants of civil relations, as well as abstinence from action should be assessed by the courts in light of the fact that correspond to these actions (inaction) of this principle or not.

Key words: the integrity, civil law, abuse of rights, legislation, justice, fairness, reasonableness, the principle of the right.

В проекте Концепции развития законодательства о вещном праве (п. 3 раздела «Право собственности») содержится ряд весьма важных и полезных предложений о корректировке правового регулирования, предусмотренного в ст. 222 ГК РФ. Однако ни о добросовестном, ни о недобросовестном возведении самовольной постройки в этих предложениях не упоминается. Следовательно, добросовестность, как и недобросовестность лица при возведении самовольной постройки, по проекту не имеют значения в плане правовых последствий, которые различаются в зависимости от иных обстоятельств, указанных в этом пункте.

Нет в проекте Концепции и предложений об изменении законодательства, учитывающих добросовестность и недобросовестность при приобретении прав и обязанностей, при осуществлении и защите прав. Исключение составляют предложения об изменении ст. 10 ГК РФ, положений о недействительности сделок, а также о введении принципа эстопель. В подпункте 2.2 п. 1 § 1 раздела I проекта Концепции выдвинута идея о том, что принципу добросовестности должны подчиняться не только действия по осуществлению прав и исполнению обязанностей, но и оценка содержания прав и обязанностей сторон, например, толкование условий договора должно основываться на презумпции добросовестности сторон.

Между тем, если говорить об этом конкретном примере, то устанавливать содержание прав и обязанностей сторон путем толкования дого-

вора, основываясь на данной презумпции, по-видимому, было бы довольно трудно. Ведь тогда пришлось бы отдавать приоритет, например, не буквальному значению слов и выражений, содержащихся в договоре, а презумпции добросовестности сторон при формулировании ими толкуемого судом условия договора и, следовательно, считать согласованным не то условие, которое зафиксировано в договоре, а то, которое стороны должны были бы в него включить, если исходить из презумпции их добросовестности. Понятно, что в таком случае толковался бы какой-то другой договор, не тот, который был заключен в действительности, а тот, который не был заключен, но должен был бы быть заключен исходя из презумпции добросовестности сторон.

Но даже в тех случаях, когда буквальное значение слов и выражений не позволяет определить содержание договора, толковать его с позиции добросовестности также было бы затруднительно. Положения ч. 2 ст. 431 ГК РФ направлены на установление действительной воли сторон и называют определенный круг реально существующих обстоятельств, на основании которых устанавливается эта воля, а именно предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон. Добросовестность, видимо, явно не из их числа, поскольку по смыслу данной нормы устанавливаться и оцениваться при толковании договора должны

обстоятельства, имевшие место в действительности, а не те, которые могли бы иметь место, если исходить из презумпции добросовестности сторон. Проблема имеет и иной аспект.

В статье 5 ГК РСФСР 1964 г. предусматривалось, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма, а согласно ст. 93 этого Кодекса, имущество, находящееся в личной собственности граждан, не должно служить извлечению нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества¹.

Такие формулировки позволяли любую сделку оценивать на предмет ее соответствия названным требованиям. Реализация идеи о провозглашении принципа добросовестности также приведет к тому, что любые действия участников гражданских отношений, а также воздержание от действий должны будут оцениваться судами с учетом того, соответствуют эти действия (бездействие) данному принципу или нет.

Уместно в связи с этим сослаться на то, как, например, предполагалось решить указанный вопрос в п. 6 проекта Информационного письма Президиума ВАС РФ «Обзор практики

применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», опубликованного на сайте ВАС РФ, применительно к бездействию залогодержателя. В данном пункте как злоупотребление правом было расценено бездействие залогодержателя, длительное время не предпринимавшего с целью увеличения задолженности должника по обеспеченному залогом обязательству мер к обращению взыскания на заложенное имущество, предоставленное залогодателем – третьим лицом.

В приведенном примере суд счел, что, поскольку к моменту предъявления иска значительно увеличилась сумма процентов и причиной этого стало бездействие залогодержателя (банка), не предпринимавшего мер к реализации заложенного имущества и взысканию долга с основного должника, хотя залогодателем банку неоднократно направлялись письма с предложением о заключении соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на предмет залога, которые были оставлены банком без ответа, а иск был предъявлен лишь перед истечением срока исковой давности, действия истца следует квалифицировать как злоупотребление правом на обращение взыскания на заложенное имущество (п. 1 ст. 348 Кодекса). Суд решил, что сумма процентов, начисленная истцом с момента получения первого письма ответчика, не подлежит возмещению из стоимости реализованного заложенного имущества.

В текст принятого впоследствии Президиумом ВАС РФ Информаци-

¹ См.: Приходько И. Концепция развития гражданского законодательства. Спорные и нерешенные вопросы // Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2009. № 8.

онного письма от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» этот пункт включен не был, что может означать понимание Президиумом ВАС РФ небесспорности изложенного в нем подхода, а следовательно, вопрос о возможности отказа во взыскании процентов при названных обстоятельствах нельзя считать окончательно решенным.

В то же время провозглашение добросовестности в качестве принципа гражданского законодательства способно повлечь за собой далеко идущие последствия, крайне опасные для стабильности гражданских правоотношений. Так, следуя логике суда в приведенном примере, уместно задаться вопросом: соответствует ли принципу добросовестности, например, требование банка об увеличении залогового покрытия при уменьшении стоимости предмета залога в условиях вызванного кризисом снижения цен на соответствующие активы, а также о досрочном расторжении кредитного договора при невыполнении заемщиком этого требования? Ведь банк имеет возможность поступить иначе, например, заключить по просьбе должника соглашение об отступном, оставив заложенные активы за собой и освободив тем самым должника от его обязательств по кредиту, или не требовать предоставления дополнительного обеспечения, зная, что оно не будет предоставлено, ограничившись сохранением заложенных активов в расчете на последующее восстановление их залоговой стои-

мости и исходя из их «справедливой» цены.

Такие действия, видимо, нельзя считать недобросовестными. Если же признать, что не являются недобросовестными и действия прямо противоположного характера, то грань между добросовестными и недобросовестными действиями становится весьма зыбкой.

Стабильности оборота, чем обобщивается предложение о введении принципа добросовестности, оно вряд ли может способствовать. Скорее наоборот: поскольку добросовестность возводится в правовой принцип, всякое право приобретает некую уязвимость, ибо при его реализации всегда будет присутствовать тема добросовестности поведения управомоченного лица, а это означает, в частности, необходимость исследования судом причин, по которым это лицо не избрало иной вариант поведения, например, не пошло навстречу просьбам должника о реструктуризации долга, тем более в условиях кризиса, не воспользовалось иными возможностями удовлетворения своих требований, сопряженными с причинением меньшего урона обязанному лицу. Введение этого принципа неизбежно повлечет за собой весьма существенное расширение сферы судебного усмотрения, а последнее в условиях, когда даже обеспечение единообразного применения судами норм закона – огромная проблема, которая пока далека от разрешения, определенности в гражданских правоотношениях также не прибавит. Все известные злоупотребления в той или иной

мере связаны с несовершенством закона, в том числе с наличием пробелов в правовом регулировании. Поэтому внесение в Кодекс точечных поправок, которые ликвидируют возможности для тех или иных злоупотреблений, устраняют почву, которая их питает, видится более продуктивным. И примеров таких поправок в проекте немало, что, безусловно, следует отнести к его достоинствам.²

Так, в подп. 2.1 п. 2 раздела IX проекта Концепции совершенствования общих положений обязательственного права предусмотрено дополнительное норм о расторжении или изменении договора путем одностороннего отказа от его исполнения (п. 3 ст. 450 ГК РФ) положениями о том, что в случае, когда при наличии основания для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на отказ от договора (исполнения договора), подтверждает действие договора, в том числе, путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, отказ от договора (исполнения договора) не допускается.

Данная поправка исключает возможность для стороны, имеющей право в силу закона или договора отказаться от договора, создавать неопределенность в правоотношении, принимая исполнение по договору от другой стороны после возникновения оснований для одностороннего рас-

торжения договора, и в то же время сохраняет право в любой момент отказаться от договора.

Наряду с этим той же цели служит и предложение (подп. 2.2 того же пункта) о дополнении п. 4 ст. 453 ГК РФ положением о том, что в случае, когда до момента расторжения или изменения договора одна из сторон не исполнила обязательство либо предоставила другой стороне неэквивалентное исполнение, к отношениям сторон подлежат применению правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60 ГК РФ).

Эти две поправки, таким образом, в совокупности исключают использование стороной расторжения договора для получения от другой стороны большего, чем ею предоставлено, так как образовавшаяся разница может быть взыскана этой другой стороной в качестве неосновательного обогащения, чем обеспечивается эквивалентность предоставленного полученному и тем самым баланс имущественных интересов сторон при расторжении договора. Подобные точечные поправки, несомненно, более эффективны для предотвращения злоупотреблений, чем формулирование общих положений об обязанности участников гражданских правоотношений действовать добросовестно.

В приведенном примере с односторонним расторжением договора обязанности действовать добросовестно оказались бы бесполезнее для восстановления баланса интересов сторон, ибо основания для расторжения договора в одностороннем порядке наличествуют, а исполненное по

² Грудцына Л.Ю. Развитие личной свободы индивида как основа формирования гражданского общества // Право и жизнь. 2011. № 151(1). С. 87-98.

нему в силу закона по общему правилу не подлежит возврату, при этом полученное по договору трудно считать полученным неосновательно, так как есть основание для получения – договор, не расторгнутый в момент получения имущества.

Сбережение собственного имущества стороны, расторгнувшей договор, формально, похоже, также отсутствует, поскольку передавать имущество во исполнение расторгнутого договора сторона не имеет оснований. Квалифицировать же действия стороны, получившей в результате расторжения больше, чем она предоставила сама, как злоупотребление правом или недобросовестное поведение также вряд ли возможно, поскольку закон подобное не исключает, а устранять несовершенство закона посредством объявления злоупотреблением действий, совершенных в рамках закона, с взысканием со стороны, расторгнувшей договор, убытков от «недобросовестного» расторжения договора или от «недобросовестного» неисполнения обязательств по расторгнутому договору при том, что действия стороны, расторгнувшей договор, правомерны, – значит создавать неопределенность в имущественных отношениях, что, кстати, служит почвой для злоупотреблений. Ясно, что для взыскания неосновательного сбережения в подобных случаях нужна специальная норма, именно поэтому ее введение предусматривается в проекте.

В настоящее время эту проблему отчасти пытается разрешать практика путем применения норм о неосновательном обогащении в случаях,

когда расторжение договора имело место по требованию лица, предоставившего оплату за услуги, которые не были оказаны (п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 года № 49 «Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»).

Проект Концепции предусматривает включение в ГК РФ общих положений о государственной регистрации имущественных прав, единых для различных объектов, с предусмотренной правоустанавливающей (не учетной) регистрацией. В настоящее время правоустанавливающая регистрация не установлена, в проекте не названы права или объекты, в отношении которых предполагается ее введение. Как следует из некоторых комментариев авторов проекта, государственная регистрация должна иметь правоустанавливающий характер. Как отмечает, например, Р. Бевзенко, «здесь речь идет не о том, что это какое-то одно из доказательств существования права, а принцип такой – регистрация создает право. Природа вещных прав заключается в том, что они распространяются на неограниченный круг лиц. Предполагается, что всякое третье лицо должно знать, что у кого-то есть вещное право на такую-то вещь. В связи с этим только правоустанавливающий характер регистрации может дать такой эффект».

Разумеется, следует полностью согласиться с тем, что система двойной регистрации – прав и некоторых сделок – ненормальна, она подлежит замене системой регистрации прав.

Однако с предложением придать государственной регистрации прав правоустанавливающий характер трудно согласиться. Действительно, зарегистрировать можно право, возникающее по основаниям, указанным в законе, например, в результате сделок, наследования, создания новой вещи для себя. Именно они служат основанием для возникновения права, а документы, подтверждающие основания возникновения права, являются правоустанавливающими.

В соответствии с этими документами осуществляется государственная регистрация прав.

Библиографический список:

1. *Грудцына Л.Ю.* Развитие личной свободы индивида как основа формирования гражданского общества // *Право и жизнь.* 2011. № 151(1). С. 87-98.
2. *Приходько И.* Концепция развития гражданского законодательства. Спорные и нерешенные вопросы // Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2009. № 8.